

*Вступление*¹

Час был ранний. Зрителей было немного. Три тетки пенсионного возраста да две молодые мамы с колясками. Эти пятеро сидели на одной длинной скамейке аккурат против Дворца бракосочетания и внимательно наблюдали за происходящим. А на высокой лестнице стояла худенькая невеста в нежно-голубом костюме, с букетиком ландышей и с кружевной накидкой на пышных волосах. Именно эта накидка и вызвала живейший интерес.

— Брюссельские кружева, — с видом знатока произнесла одна из мамаш, — я такие хотела, да дорого очень.

— Фи! — сказала вторая. — Что ж тут дорогого?! Кусочек в полметра!

— Дорого! — упрямо повторила первая, видимо, вспоминая свою свадьбу.

— Красивая невеста, но не молодая уже, — проговорила одна из пенсионерок.

¹ Первую часть истории Инны Соломатиной читайте в романе «Ищи меня за облаками».

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Это ты не молодая уже, — оборвала ее другая, — тоже мне... Хороша девка. Очень хороша. И фата красивая, богатая.

Третья пенсионерка ничего не сказала. Она внимательно смотрела, как из подъехавшей машины вышел статный красивый мужчина. Вышел и стал подниматься по ступенькам.

— Батюшки, — выдохнули тут все зрительницы, — хромой. Калека. С палочкой!

— Может, временно? Ну, типа, шел-шел, ногу ударил о камень, — вслух предположила молодая мамаша.

— Нет, давно такой, видишь, как ловко он с этим костылем управляется, — сказала одна из пенсионерок.

— И ведь полюбила! — обрадовалась вторая мамаша. — Полюбила! Вот, я всегда говорила, что полюбить любого можно! Понимаешь, любого!!!

— Ой, да ладно! Скажешь тоже, любого! Этот, наверное, богатый. А она — бедная, — отмахнулась первая мамаша.

— Смотрите, смотрите, как она рада ему! А это ее родители... А его где?

Группа людей на высоком крыльце Дворца бракосочетания заволновалась, заколыхалась и стала просачиваться в широкие двери.

Наконец исчез последний приглашенный. Зрительницы посидели еще немного, посплетничали об увиденном и стали потихоньку расходиться.

Часть первая
ПРЕДДВЕРИЕ
ЖИЗНИ

Глава первая
ПРО ПРОШЛУЮ ЖИЗНЬ
И КРУЖЕВНУЮ ФАТУ

Как это было? Инна задумалась. И вспомнила тот день, когда Олег Федотов встретил ее в Шереметьево. Мелочи, детали уже забылись — все же почти два года прошло. Но главное — чувство радости осталось. Когда Соломатина увидела Олега, она вдруг поняла, что все это время жила ради этого момента. Инна помнила, как в щегольской летной форме вышла из служебного входа аэропорта Шереметьево, как стучали ее каблучки, как чуть позади плелась Варя. Потом от толпы встречающих отделился Федотов. Он шел быстро, помогая себе тростью.

— Это он? — вдруг в спину ей спросила Варя. — Это тот, которого вы любили, и тот, чей звонок вы прождали всю жизнь?

— Да, это он, — тихо ответила Соломатина.

— Ну и дура вы, Инночка, — непочтительно проговорила Варя. — Вы бы всю жизнь могли прождать. И не дожидаться. Понимать же надо...

И Соломатина не рассердилась на эту резкость. Соломатина легко согласилась. «Да, я была душой! Кто же спорит?!» Инна помнила,

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

как, улыбаясь, смотрела на приближающегося Федотова. А сердце ушло в пятки.

— Привет, — сказал Федотов и обнял Инну.

— Знаешь, я никуда тебя не отпущу. Вот хоть тресни ты на этом месте! — ответила тогда Соломатина.

Инна точно помнила эти свои слова. Сейчас, выбирая платье и фату, она повторила эти слова. «Не отпущу! Никуда его не отпущу. Что я, зря все это время ждала?» — сказала она сама себе и повернулась к продавщице.

— Вот эти. Эти кружева для фаты.

— О да, — улыбнулась та, — они очень красивые.

Впрочем, платье и фата — это были приятные итоги. Этим итогам предшествовали сложные разговоры и еще более сложные поступки.

Тогда, в Шереметьево, они сначала пили кофе в местном баре, разговаривали о пустяках, о том, какое впечатление произвел Осло, какая там погода, как прошел полет.

— Слушай, я так и не привык к мысли, что ты стала стюардессой. Вот уж виражи так виражи!

— Олег, это временно, хотя и очень нравится. Я собираю материал для научной работы. Меня интересует психология в условиях постоянного стресса.

— А перелеты для профессионала — это стресс?

Анатомия одной семьи

— Любая перемена привычной среды обитания — стресс. Что небо, что вода, что горы.

— То есть ты добровольно, ради науки, так сказать... — улыбнулся Федотов.

— Да, добровольно, ради науки... Я и летать научилась ради науки.

— Ты летаешь? Как летчик?

— Да, у меня лицензия есть.

— Господи, Инна! — развел руками Олег и тут же добавил: — Впрочем, все ожидаемо.

— Что ты хочешь сказать?

— Я же тебя помню той Инной, которая пришла волонтером в больницу, опекала меня и однажды не подала мне костыль.

— Я сделала это специально. Ради тебя.

— Это было жестоко. Я ненавижу тебя. Ты мне казалась злобной стервой. А еще — маленькой карьеристкой. Такие в школах бывают.

— А когда ты понял, что я не такая?

— Позже. Когда меня выписали. Когда вернулся в интернат. Я о тебе думал все время. И уважал за то, что тебе хватило духу так вести себя. Ты не жалела меня. Для этого нужен характер. И вот сейчас он еще раз проявился.

— Ты захвалишь меня. Я сделала много ошибок в этой жизни.

— А кто их не сделал? И я тоже ошибался.

— Кстати, — закашлялась Соломатина, — ты не удивился, что я позвонила из Осло?

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Нет. Я ждал твоего звонка.

— Что? Так вот и ждал? Буквально каждый день? А сам между тем после нашей встречи в Озерске ни разу не объявился!

Федотов молча улыбался. Соломатина смутилась. Она опять вспомнила слова своей напарницы Вари: «Ну и дура вы, Инночка. Вы всю жизнь могли прождать. Понимать же надо!..»

— Федотов! — решительно начала Соломатина. — Федотов! Понимаешь, я хочу сказать, что я хочу выйти за тебя замуж. Стоп! Не перебивай...

— Да я не перебиваю, — посмеивался Федотов.

— И хорошо. Иначе я никогда тебе этого не скажу. Олег, вот нам с тобой уже за тридцать... не будем уточнять, как далеко.

— Мне так уже тридцать шесть, — рассмеялся Федотов, — если я ничего не путаю.

Соломатина посмотрела на него строго:

— Не перебивай. Я собою с мысли.

— Извини.

— Так вот. Я хочу сказать, что делаю тебе предложение. Руки и сердца. Я хочу стать твоей женой.

Повисла пауза. Женский голос сообщил о посадке еще одного лайнера и предупредил о том, чтобы пассажиры не доверяли свои вещи незнакомым людям. Федотов внимательно смотрел на Соломатину, та старательно что-то искала в сумочке. Молчание затягивалось.

Анатомия одной семьи

— Ну что ты будешь делать! Не могу найти помаду. Она вечно теряется, — пробормотала Инна, и в ее голосе слышались слезы, — да не смотри ты на меня так, Федотов!

Она в сердцах швырнула салфетку в чашку с кофе.

— Иди ко мне, летчица моя! Что же с тобой делать, железная моя женщина?!

— Женись, — пробормотала Инна, взяла руку Федотова и уткнулась в нее лбом.

— Я не могу.

— Знаю. Татьяна твоя, я в Озерске вас видела. Ты любишь? Вы поженились? У вас дети, да?

— Мы не поженились, и детей нет. Люблю ли? — Олег замолчал. — Ты же понимаешь, я не могу сейчас о ней говорить. Нехорошо это. Хотя если уж ты спросила. Татьяна — это другое. Я — счастье для нее. Ты — счастье для меня. И мне страшно причинить вам обоим боль. Сейчас разбить ее жизнь. А потом — осложнить твою.

— Понимаю. Но как же мы? Так ведь не бывает — столько вместе пережить...

— Инна, — Федотов мягко отнял у нее свою руку, — мы с тобой ничего не пережили. Мы встретились, будучи школьниками. Глупыми, дерзкими и не очень соображавшими, что к чему... И потом мы не встречались. Переписывались, но встреч почти не было.

— Почти не было...

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Хорошо, были, но ты же сама понимаешь...
Этого мало.

— Понимаю, Федотов. — Инна вдруг перестала психовать. Она поняла, что это последний их разговор. После они уже ничего не смогут сделать.

— Я все понимаю, Олег. И думаю, дело в твоей ноге. В том, что у тебя инвалидность. И в том, что, разговаривая со мной, ты забываешь о том, что победил все, включая диагнозы и прогнозы врачей. Что там тебе доктор говорил? Что на всю жизнь два костыля. И почти лежачий образ жизни. А что мы имеем? Мы имеем успешную карьеру. Да, ты не ученый-математик. Хотя и мог бы им стать. Если бы не испугался. Но ты и так многого достиг. Ты инженер-строитель, общественный деятель. Тебя знает весь Озерск и половина Москвы. Я наводила справки. И знаешь, почему ты сейчас вспомнил свою инвалидность? Потому что ты боишься стать обузой. Ты боишься, что мне достанется муж-калека. Так вот, ты можешь этого не бояться. Мне все равно, как ты ходишь. Мне важно, что между нами было чувство. И что со временем оно никуда не делось. Понимаешь? Ни мой Антон, ни твоя Татьяна не могут заслонить то, что когда-то возникло. И если со стороны это покажется смешным, то мы-то с тобой знаем, чувствуем, что оно есть. Только надо признаться себе в этом. А ты

Анатомия одной семьи

трусись. Я — нет. Я не боюсь. Я поэтому и позвонила тебе. Я понимаю, что время не наш союзник. И надо спасать то, что было. И потом, я тебя люблю. Знаешь, есть такое чувство, которое не обжигает, но согревает, как хороший камин. И долго держит тепло. Чтобы ни происходило в моей жизни, я всегда помнила о тебе. И этим нельзя пренебречь.

Соломатина замолчала и отпила кофе из федотовской чашки. Потом она слезла с высокого табурета и сказала на прощание:

— Я через четыре дня опять улетаю. И улетаю на неделю.

Подхватив чемоданчик, она вышла из бара. Федотов остался.

Они опять летели на другой конец земли. Соломатина рассказывала Варю о встрече с Федотовым.

— Вот дурак какой! Какой дурак! — причитала стюардесса Варя. И нельзя было взять в толк, о ком она. О Федотове или о своем женатом командире воздушного судна.

— Да, дурак, — отзывалась Инна.

Они только что закончили кормить пассажиров. В салоне пахло кофе. До приземления оставался час с небольшим. Соломатина подумала о том, что теперь в воздухе ей гораздо лучше, чем на земле. Здесь можно много думать, планиро-